

Глава вторая

МЕТОД ТИПИЗАЦИИ В РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Метод художественного раскрытия человеческих характеров в романе Чернышевского определяется его философско-историческими взглядами на роль обстоятельств в развитии физических и духовных сил человека.

Философские взгляды Чернышевского развивались в непримиримой борьбе против идеалистической философии вообще, против гегелевского идеализма и его русских представителей в частности. И в то же время Чернышевский в значительной мере преодолевал метафизическую ограниченность, пассивно- созерцательный характер «старого» материализма, благодаря тому, что его философские взгляды были тесно связаны с интересами практической борьбы за революционное преобразование русского общества.

По богатству и разносторонности содержания, по цельности и последовательности материалистического мировоззрения философия Чернышевского превосходит все, что было достигнуто развитием материализма до Маркса. «Чернышевский, — писал В. И. Ленин, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»¹.

В понимании исторической жизни общества все представители «старого» домарксовского материализма оставались, как известно, на почве идеализма, так как не могли материалистически истолковать законы развития общества. Это относится, конечно, и к Чернышевскому. Но и в этой области он сделал значительный шаг вперед по сравнению с французскими материалистами и Фейербахом. Вслед за Герценом он понял вели-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

кое значение диалектики как «алгебры революции» и стремился рассматривать явления общественной жизни в их становлении и развитии, в процессе борьбы «нового со старым, современного с отжившим» (III, 291).

Во взглядах Чернышевского на историю общества были гораздо более развитые, чем у Фейербаха, зачатки исторического материализма¹, и, конечно, не его вина, что он «не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»². Все это определило и свойственное великому русскому мыслителю противоречивое понимание сущности «человеческой природы».

Чернышевский исходил из суждения, что человек от природы добр, что его естественная склонность к добру может заглушаться и извращаться уродливыми обстоятельствами общественной жизни, но не может быть полностью уничтожена. Такое представление о «естественном человеке» было свойственно всему домарксовскому материализму. Эта точка зрения отражала протест против уродующего влияния эксплуататорского строя на развитие нравственных сил человека; но в то же время она основывалась на метафизическом представлении о неизменности «естественных» сил человеческой природы, на абстрактном, внеисторическом представлении о сущности человека.

В тезисах о Фейербахе К. Маркс писал: «Религиозную сущность Фейербах сводит к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей деятельности она есть совокупность общественных отношений»³.

Элементы такого метафизического представления о «сущности человека» как продукта природы, а не общественной истории, в известной мере присущи и Чернышевскому.

В статье о «Губернских очерках» Щедрина Чернышевский утверждает, что человек «по природе своей всегда имеет наклонность к доброжелательству и правде» (IV, 279).

Здесь сказывается антропологический принцип Чернышевского, согласно которому подлинная сущность человека, его положительные силы и способности рассматриваются как продукт природы, а обстоятельства общественной жизни рассматриваются только со стороны их отрицательного влияния. Полное преодоление метафизического взгляда на сущность человека было достигнуто только историческим материализмом, только марксизмом.

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, 1947, стр. 54.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 14, стр. 346.

³ К. Маркс — Ф. Энгельс, *Избр. произвед.*, 1949, т. II, стр. 384.

Однако для понимания художественного метода Чернышевского в изображении человеческого характера и путей его развития особенно важно то обстоятельство, что он сравнительно с Фейербахом сделал значительный шаг вперед по направлению к диалектическому материализму. Благодаря этому в своих статьях по вопросам истории и литературы и, в особенности, в своем художественном творчестве он частично преодолевал метафизически абстрактное представление о неизменной природе человека, показывая определяющую роль общественной жизни в процессе формирования самой «человеческой сущности». Источником положительных сил человеческого характера являются у Чернышевского не только природные задатки «естественного человека», но и труд, и общественная деятельность, направленные на пользу другим людям, — т. е. общественная практика человека.

Он писал о решающей роли обстоятельств для развития *всех* качеств человеческого характера: «Если все люди существенно одинаковы, то откуда же возникает разница в их поступках?.. Для нас теперь ясно, что все зависит от общественных привычек и обстоятельств...» (V, 165).

Под «обстоятельствами», определяющими судьбу и характер человека, Чернышевский подразумевал именно общественно-исторические условия, социальный строй и неразрывно связанные с ним формы политической и культурной жизни.

В русском обществе середины XIX в. «обстоятельства» эксплуататорского, крепостнического или полукрепостнического строя были враждебны интересам развития человеческой природы, трудовой, творческой энергии народа. Социально-экономические условия, подавляющие развитие творческих сил человека, поддерживаются «дурным управлением» — самодержавно-бюрократическим государственным строем, основанным на беспорядке и произволе. Таким образом, «обстоятельствами и учреждениями подавлена в народе энергия и нет простора умственной деятельности» (V, 697). Между тем русский народ «вовсе не предназначен быть апатичным. Когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайно замечательную неутомимость и живость в работе» (V, 695).

Создателем всех духовных и материальных благ человеческой жизни является трудовой народ. Трудовая деятельность народа необходима для общества, «полезна для других», поэтому в массах народа, в среде трудящихся вырабатываются положительные качества человеческого характера. И наоборот. Эксплуататорские классы извлекают выгоду для себя за счет подавления интересов большинства нации, поэтому они являются носителями зла. Качества «естественного человека» хотя и пробиваются даже в самой испорченной среде, все же не

могут стать типичными для представителей эксплуататорских классов. Как раз бесчеловечность становится для них нормой жизненного поведения. Их общественные привилегии, их паразитическая общественная практика подавляет и искажает всякую наклонность к добру, всякое развитие положительных качеств характера.

Так Чернышевский приходит к мысли об определяющей роли общественной практики в образовании человеческого характера.

Великий русский мыслитель и художник в значительной мере преодолевал антропологизм, свойственный его предшественникам на Западе, благодаря тому, что он стоял на позиции революционного преобразования самих «обстоятельств» общественной жизни. Он утверждал, что если эти обстоятельства враждебны интересам большинства, интересам народа, то они должны быть уничтожены революционным путем и заменены другими, открывающими широкий простор для развития человека-труженика.

Для такого преобразования «обстоятельств» необходима именно народная революция, потому что «важнейшие недостатки известного общества могут быть устранены только совершенной переделкой его оснований, а не мелочными исправлениями подробностей» (V, 216).

Позиция революционного, практического преобразования самих условий и основ общественной жизни в интересах трудящихся масс ставит его на голову выше западноевропейского «старого» материализма, ибо именно пассивно-созерцательный характер материализма Фейербаха был источником его метафизического понимания «сущности человека». Но до конца преодолеть все остатки метафизической ограниченности в понимании сущности человека Чернышевский не мог. Поэтому зачаток исторического материализма и элементы диалектики в понимании общественной жизни своеобразно сочетаются у него с теорией «естественного человека», с «антропологическим принципом» в философии.

Эта своеобразная философско-историческая позиция определила эстетические взгляды Чернышевского, в частности его понимание предмета искусства, прекрасного и безобразного в искусстве и в жизни.

С точки зрения Чернышевского, предметом изображения в искусстве является вся действительность, все, что связано с общественной жизнью. Прекрасное — один из объектов искусства, правда, наиболее существенный.

Но прекрасное в действительности не существует изолированно, само по себе, а только в постоянном взаимодействии с уродливым, в борьбе с ним.

«Красота — жизнь, безобразие — то, что представляется исключением жизни» (II, 150), — пишет он; жизнь — это все новое, нарождающееся, способное к развитию и росту, все, что способствует счастью и развитию людей. Наоборот, безобразное — это то, что мешает развитию и движению вперед, так как все, мешающее красоте, подходит под понятие вредного для жизни, пагубного для жизни» (II, 147).

Он требовал, чтобы искусство и литература не обходили безобразного и уродливого, но вызывали к ним отвращение и ненависть, стремление к борьбе против них. Этим объясняется настойчивая пропаганда Чернышевским «критического или сатирического» реализма как литературного направления, особенно необходимого, особенно полезного в условиях того времени. Беспощадное художественное разоблачение всего отжившего и реакционного, «вредного для жизни» — необходимо для торжества прекрасного в самой действительности.

Подчеркивая материалистический тезис о том, что прекрасное в искусстве есть не более, чем отражение прекрасного в действительности, в человеческой жизни, Чернышевский идет дальше. Он в то же время показывает, что представления о прекрасном различны у различных классов, что они зависят от положения людей в обществе, от их общественной практики и порожденных ею жизненных стремлений и идеалов: «Понятия о красоте у простого народа не сходны во многом с понятиями образованных классов общества... Различие между ними только в понимании человеческой красоты; и оно совершенно объясняется тем, что простолюдин и член высших классов общества понимает жизнь и счастье жизни неодинаково, потому неодинаково понимают они и красоту человеческую» (II, 142—143).

Однако различие и даже противоположность представлений о красоте, свойственных людям противоположных классов, вовсе не противоречит материалистическому тезису эстетики Чернышевского об объективности прекрасного, так как различные представления о красоте вовсе не равноценны. Он дает ясно почувствовать, что эксплуататорским и реакционным классам свойственно извращенное, нездоровое представление о красоте, ложное понимание прекрасного, порожденное их паразитическим бытием, их реакционной ролью в развитии общества. Наоборот, то представление о красоте, которое вырабатывается народом в его трудовой практике, которое связано с извечным стремлением народных масс к улучшению своей жизни — это здоровое, правильное понимание прекрасного; оно совпадает с объективно-прекрасным в жизни.

Объективную ценность имеют только те представления о прекрасном, которые отражают прекрасное в самой действи-

тельности — то, что порождено прогрессивным развитием общества и отвечает интересам трудящихся масс — истинным, реальным потребностям человеческой жизни.

Свое определение прекрасного Чернышевский наполняет конкретно-историческим содержанием, и оно носит ярко выраженный революционно-демократический характер. В статье «Не начало ли перемены?», говоря о необходимости правдиво изображать жизнь народа со всеми ее недостатками и положительными сторонами, Чернышевский видит прекрасное в трудовой деятельности массы и в ее способности «проникнуться» склонностью к какому-нибудь другому порядку жизни, хотя бы он и не был хорошенько известен ей, и даже энергически устремиться к приобретению этого лучшего неведомого ей состояния» (VII, 886—887).

В подцензурной статье невозможно было яснее выразить мысль о том, что трудовая и революционная энергия народа и есть прекрасное в его жизни, что революция и есть дорога к «другому порядку жизни», к «жизни, какой она должна быть по нашим понятиям».

Самым существенным в понимании прекрасного у Чернышевского является именно *соединение* социалистических идеалов с современными интересами народной жизни, с задачами крестьянской революции. Прекрасное в жизни Чернышевский видит в деятельности трудового народа, в его трудолюбии и творческих возможностях, в его ненависти к эксплуататорам и стремлении к свободе. Прекрасное в жизни — это также борьба за освобождение народа, деятельность передовых людей, связавших свою судьбу с судьбой освободительного движения.

Так понимая прекрасное в жизни, Чернышевский выступал против «смещения красоты формы, как необходимого качества художественного произведения, и прекрасного, как одного из многих объектов искусства» (II, 83).

В ясности, полноте и точности выражения подлинной сущности явлений Чернышевский видел красоту формы. В этом смысле в искусстве и в художественной литературе «форма всегда должна быть прекрасной», независимо от того, прекрасен ли объект художественного изображения: «прекрасно нарисовать лицо» и «нарисовать прекрасное лицо» — две совершенно различные вещи».

В полемике против либерально-дворянской идеалистической эстетики Чернышевский требовал строгого «различения прекрасного, как объекта искусства, от прекрасной формы, которая действительно составляет необходимое качество всякого произведения искусства». (II, 82).

Философско-эстетические взгляды Чернышевского определили художественные принципы раскрытия характеров в его

романах, метод создания как положительных, так и отрицательных образов.

В романе «Что делать?» действуют представители двух противоположных лагерей русской жизни — «старые» и «новые» люди. Это, с одной стороны, представители дворянского паразитизма и буржуазно-мещанского стяжательства — Сторешниковы, Серж, Соловцов, Жюли, старики Розальские. С другой стороны, это люди умственного и физического труда, связанные с народом, одушевленные идеями борьбы против эксплуатации — Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна, Мерцаловы, Рахметов, девушки-швей и т. д.

Решающее влияние общественных обстоятельств сказывается в характерах старых и новых людей. Вера Павловна говорит, что «человек действует по необходимости, его действия определяются влияниями, под которыми происходят». И эта закономерность подтверждается поведением и судьбами всех героев романа.

Чернышевский показывает влияние обстоятельств на формирование каждого характера. Но это не приводит к объективизму, к представлению, что виноватых нет, что человек всегда зависит от массы внешних условий, что он бессилен и жалок. Не только внешние условия, но и связанная с ними общественная практика человека определяет ценность и достоинство личности. Поэтому критерием оценки характера является в романе его общественная практика.

Представители старого мира — мира паразитизма и стяжательства в своей повседневной жизненной практике враждебны интересам народа. Поэтому в них воплощается физическое и нравственное вырождение. «Где праздность — там гнусность», — признается Жюли.

Чернышевский ясно обнаруживает источник этого нравственного уродства, обстоятельства, породившие эти отрицательные характеры: все они живут за счет чужого труда; обман и хищничество, угнетение и праздность — вот основа их благополучия.

Изображая старый мир, Чернышевский различает типы, рожденные дворянским паразитизмом, вечной праздностью, и типы, рожденные буржуазно-мещанской практикой погони за наживой. Первые представлены образами Сержа, Сторешниковых, Соловцова. Это люди, которые никогда не знали материальной нужды и труда, никогда не заботились о куске хлеба. Мерцалов говорит Сержу: «Не исповедуйтесь... Мы знаем вашу историю; заботы об излишнем, мысли о ненужном, — вот почва, на которой вы выросли; эта почва фантастическая».

Другой тип «старых» людей представлен в романе семейством Розальских, образом Марии Алексеевны. Она человек

злой и нечестный, она «беспощадна там, где это нужно для ее выгод». Для нее, как и для всех представителей старого мира, нет ничего святого: семейные отношения, материнские чувства и отношения к другим людям — все подчинено у нее корыстному расчету, погоне за наживой. Свою дочь она учит: «обирай да обманывай», а когда та подрастает — пытается торговать ею, как торговала раньше супружеской верностью. Составив себе «капиталец» ростовщицеством, отпуская под залог деньги, вырученные от продажи небольшого имущества, доставшегося ей после смерти брата-чиновника, она действовала энергично и рискованно, «подыскивая особые случаи получать деньги».

Раскрывая отвратительный моральный облик этой стяжательницы, автор подчеркивает свою ненависть к ней: «Я рад бы стереть вас с лица земли», — заявляет он в «похвальном слове Марье Алексевне». Но в то же время Чернышевский показывает существенное различие между Марией Алексеевной и представителями господствующего в крепостническом обществе класса. Не она главный виновник существующего эксплуататорского строя. Она живет и действует по тем законам, которые господствуют в обществе независимо от нее. «Ваши средства были дурны, но ваша обстановка не давала вам других средств. Ваши средства принадлежат вашей обстановке, а не вашей личности, за них бесчестье не вам» — говорит автор.

Мария Алексеевна рассказывает, что в свое время и она «была честная», но в ходе жизни усвоила, что «только нечестным и злым и хорошо жить на свете». Перед нею жизнь открывала две возможности: либо вечная нищета и угнетение для нее и ее детей, либо — самой выбиться в число тех, кто угнетает, т. е. стать злой и нечестной.

Чернышевский в романе «Что делать?» не только изображает, но теоретически обосновывает это различие между типами «старых» людей. Во втором сне Веры Павловны он излагает, хотя и в вынужденной цензурой эзоповской форме, свое понимание классового деления русского общества. Весь старый общественный порядок, основанный на угнетении и эксплуатации — грязный порядок. Но есть реальная грязь и грязь гнилая.

Реальная грязь — это люди, деятельность которых извращена и обезчеловечена отношениями общественного неравенства, гнетом бесправия и произвола, материальной нуждой и зависимостью от «сильных мира». Это жизнь непривилегированных сословий и классов русского общества в условиях крепостничества и власти денежных отношений. Это грязь «чистая», свежая, так как она складывается из здоровых и способных к развитию частей и элементов. Только господство

несправедливого общественного порядка держит эти элементы в состоянии грязи, обращает их на грязную практику. Пусть в этой «реальной грязи» немного переменится расположение атомов, и выйдет «что-нибудь другое; и все другое, что выйдет, будет также здоровое, потому что основные элементы здоровы».

В противоположность «реальной грязи», «гнилая» или «фантастическая грязь» — это паразитический господствующий класс, заинтересованный в сохранении существующего общественного порядка и враждебный прогрессивному развитию общества. Паразитизм — это та «гнилая грязь», которая порождает не просто дурных, но «дрянных» людей.

Чернышевский сам подчеркивает типичность созданных им отрицательных образов. Замечания, указывающие на типичность образов, постоянно встречаются в тексте романа по поводу Сторешникова, Соловцова, Марии Алексеевны Розальской и других героев. В отрицательных образах романа «Что делать?» проявилась сила критического реализма Чернышевского. Писарев подчеркивал «критический талант» писателя и видел его великую заслугу в том, что «к прошедшему автор, конечно, относится совершенно отрицательно», что «он борется со всяким безобразием и преследует иронию и сарказмом всё, что бременит землю и коптит небо»¹.

Во втором сне Веры Павловны Чернышевский вводит в текст романа философско-историческое обоснование своего метода художественного раскрытия характеров, и это обоснование в других выражениях воспроизводит его философско-исторические взгляды на зависимость человеческого характера от обстоятельств общественной жизни, изложенные в статьях.

Типичность созданных им характеров определяется тем, что в них воплотились существенные черты, закономерно и необходимо порожденные конкретно-историческими обстоятельствами, закономерно развившиеся в результате общественной практики.

Авторская оценка явлений и характеров непосредственно определяется революционно-демократической позицией Чернышевского: в романе сказывается страстная ненависть «мужичьего демократа» ко всякому паразитизму, ко всякой эксплуатации, горячая симпатия ко всем трудящимся и эксплуатируемым, к сознательным защитникам их интересов. Именно политическая позиция Чернышевского, как революционера-демократа, проявилась в его реалистическом методе типизации, в способе раскрытия как отрицательных, так и положительных образов романа.

¹ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, Госполитиздат, 1949, стр. 643.

Принципы типизации были широко и всесторонне обоснованы революционно-демократической эстетикой. Еще Белинский писал: «Что такое *тип* в творчестве? Человек — люди, лицо — лица, т. е. такое изображение человека, которое замыкает в себе множество, целый отдел людей, выражающих ту же самую идею»¹. Задачу создания типических образов художник в состоянии решить только в том случае, если он обладает «способностью отличать существенные черты от несущественных» (II, 80), — говорил Чернышевский.

Идейно-политическая позиция революционно-демократических писателей, последовательность их взглядов на соотношение классов в русском обществе, в высшей степени способствовала их умению отделить действительно существенные черты от несущественных в представителях различных классов и слоев русского общества.

Но для того чтобы обобщить эти черты, синтезировать их в законченном художественном образе, необходима творческая фантазия. Творческая фантазия художника, концентрируя и усиливая в образе существенные черты реальных жизненных явлений и характеров, обнаруживает их идейный смысл, так «чтобы содержание, идея тем яснее просвечивала сквозь очищенный таким образом до прозрачности образ» (II, 141).

Глубоко продуманные и осознанные Чернышевским законы художественной типизации еще полнее осуществлены в положительных образах его романа, в образах «новых людей». Материалистическое понимание зависимости характеров от конкретно-исторических обстоятельств их развития определило реалистическое изображение новых людей в романе «Что делать?».

Как объясняет Чернышевский возможность появления положительных характеров, сильных и здоровых людей в общественных условиях, неблагоприятных для развития творческих сил человека?

Философско-историческое объяснение этого факта дано в том же втором сне Веры Павловны. На почве «гнилой грязи», на почве паразитизма могут вырастать только хилые, больные колосья — дрянные люди. Исключения, подобные случаю с Рахметовым, только подтверждают общее правило. Но на почве «чистой», «реальной грязи» при известных условиях вырастают здоровые, сильные колосья, потому что обязательным элементом жизни непривилегированных сословий русского общества является труд, деятельность, направленная на удовлетворение «действительных потребностей».

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 73.

Отец Лопухова, «рязанский мещанин, жил по мещанскому званию достаточно, то есть его семейство имело щи с мясом не по одним воскресеньям... Содержать сына в гимназии он кое-как мог; впрочем, с 15 лет сын сам облегчал это кое-какими уроками. Для содержания сына в Петербурге ресурсы отца были неудовлетворительны».

Кирсанов был сыном писца уездного суда, «то есть человека, часто не имеющего мяса во щах, — значит и наоборот, часто имеющего мясо во щах». Поэтому они «оба грудью, без связей, без знакомства пролагали себе дорогу».

Мерцалов, сын дьячка в губернском городе, прирабатывавшего переплетным мастерством, рассказывая о почве, на которой он вырос, прежде всего вспоминает о «реальных горестях и радостях» его семейства, о том, что «с утра до ночи отец и мать все хлопотали и толковали о куске хлеба». Чрезмерная работа без отдыха, борьба с материальной нуждой — вот условия жизни Мерцалова в родительском доме.

Даже Вера Павловна выросла в обстановке постоянной заботы об упрочении материального достатка, с большими усилиями достигнутого ее семейством. Об отце ее говорится: «По должности он не имел доходов, по дому имел, но умеренные». Мария Алексеевна, появляясь во втором сне Веры Павловны, говорит ей: «О чем эта мать заботилась? О куске хлеба; это, по-вашему, по-учепому, реальная, истинная, человеческая забота, не правда ли?.. Нет, сударыня, какова бы ни была жизнь вашего семейства, но это была не пустая фантастическая жизнь». «Верка, кабы я не такая была и ты бы не такая была. Хорошая ты — от меня дурной, добрая ты — от меня злой».

Господство враждебных человеческой природе эксплуататорских порядков не исключает, таким образом, возможности развития положительных сил человека. Но это возможно в среде, где необходима трудовая деятельность, хотя бы и направленная непосредственно только на удовлетворение собственных «действительных», «реальных потребностей».

Однако, для того чтобы в этой среде могли появиться передовые люди, способные осознать интересы народа, необходимы еще и дополнительные условия. Чернышевский пишет об условиях, необходимых для того, чтобы на почве «реальной грязи» выросли здоровые колосья — «новые люди». «Когда солнце станет согревать эту грязь и теплота станет перемещать ее элементы в более сложные химические сочетания, то есть в сочетания высших форм, колос, который вырастает на этой грязи от солнечного света, будет здоровый колос».

Солнечный свет и теплота, которые «перемещают элементы в более сложные химические сочетания», — в переводе с эзо-

повского языка аллегорий на язык прямых понятий — это назревшие потребности общественного развития. Появление новых людей в русском обществе Чернышевский связывает с конкретно-историческими условиями эпохи, с общественным движением 50-х — 60-х годов, «Историческая потребность вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности» (III, 183), — пишет Чернышевский.

Историческая потребность в новых людях определялась интересами прогрессивного развития страны, пробуждением творческих сил народа, стремившегося освободиться от пут крепостничества.

Роман охватывает тот исторический период, когда сложилась и выдвинулась на историческую арену новая сила русского освободительного движения — разночинно-демократическая интеллигенция. Чернышевский говорит о новых людях: «Недавно зародился у нас этот тип. Прежде были только отдельные личности, предвсцавшие его... Недавно родился этот тип и быстро расплождается. Он рожден временем, он знамение времени».

Выступление новых людей на историческую арену русской общественной жизни Чернышевский связывает с 1857 г. («Шесть лет тому назад этих людей не видели», — писал он в 1863 г.), т. е. с началом общественного подъема после поражения в Крымской войне, с ростом крестьянского движения против крепостнического строя.

Вызванные к жизни реальными историческими потребностями, новые люди действовали в интересах тех сил, которые их выдвинули, в интересах трудящихся масс. Единство интересов передовых людей своего времени с интересами прогрессивного развития общества, с интересами народа, раскрытое в живых художественных образах, лежит в основе решения проблемы положительного героя у Чернышевского.

Положительного героя Чернышевский находил только в той общественной среде, которая так или иначе связана с освободительной борьбой.

Духовное превосходство лучших представителей народной массы простых русских тружеников над людьми эксплуататорских, паразитических классов в совершенных художественных образах воплотили еще Пушкин и Гоголь, Герцен и Тургенев, а в литературе 60-х гг. Толстой и Некрасов. Поэзия Некрасова с небывалой до этого глубиной и жизненной правдивостью показала, как в повседневной трудовой практике крестьянских масс выковываются характеры богатырской силы и исключительной духовной красоты.

Другой тип положительного героя того времени — это разночинец-демократ, носитель передовых идей, сознательный

борец за раскрепощение народа. Лучший образец этого типа — русский революционер, преданный интересам народа, вставший на путь беспощадной борьбы с самодержавно-крепостническими порядками во имя уничтожения всякой эксплуатации, во имя социализма. Именно в таком положительном герое Чернышевский видел воплощение эстетической категории возвышенного.

Над художественным воплощением такого положительного героя работали многие революционно-демократические писатели. В поэзии его воплотил Некрасов в образах борцов за народное дело. В художественной прозе наиболее полное, развернутое изображение разночинца-демократа и профессионального революционера дал сам Чернышевский в своих романах.

О главных героях своего романа Чернышевский говорит, что они «составляют меньшинство публики. Большинство ее еще слишком много ниже этого типа». Но будущее принадлежит новым людям, «число порядочных людей растет с каждым новым годом, а со временем... все люди будут порядочные люди. Тогда будет очень хорошо». Этот новый тип, который уже родился, но не стал господствующим, широко распространенным в жизни, должен увидеть и отразить чуткий художник.

«Истинный художник, — утверждал Чернышевский, — в основание своих произведений всегда кладет идеи современные» (II, 141). По терминологии Чернышевского, «современное» — это всегда означает передовое, то, что выражает тенденции развития, что истинно прекрасно, «в чем мы видим жизнь так, как мы понимаем и желаем ее, как она радует нас» (II, 21). Поэтому все новое, передовое, современное, прекрасное в жизни должно стать существенным содержанием искусства. Поэтому в центре внимания автора, в качестве главных выступают именно положительные герои его романа. «Первые случаи имеют исторический интерес». Эти «первые случаи» указывают пути в будущее, вооружают знанием перспективы, дают пример для подражания.

Писарев писал о романе «Что делать?»: «Все симпатии автора лежат безусловно на стороне будущего; симпатии эти отдаются безраздельно тем задаткам будущего, которые уже замечаются в настоящем»¹.

Элементы диалектики в мировоззрении Чернышевского определили и его понимание типического в искусстве — одну из самых сильных сторон его художественного метода, и это ярче всего сказалось в решении проблемы положительного

¹ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, Госполитиздат, 1949, стр. 645.

героя. Здесь в особенности великий революционно-демократический писатель выступает как прямой и ближайший предшественник социалистического реализма.

Для Чернышевского положительный герой — это тот, кто в борьбе нового со старым стоит на стороне нового, кто проникнут сознательной враждой ко всему реакционному, к рутине, отсталости, к тому, что сковывает творческие силы человека и общества. Поддерживая все передовое, он воодушевлен любовью к народу, стремлением к его освобождению. Это не отвлеченный мечтатель, но человек, который «находя многое в действительности прекрасным, не отрицает также, что многое в ней дурно, и стремится, при помощи благоприятных человеку сил и обстоятельств, бороться против того, что не благоприятно человеческому счастью» (III, 230).

Чернышевский сам подчеркивает типичность своих главных героев — «обыкновенных новых людей»: «Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни, я взял троих таких людей: Веру Павловну, Лопухова, Кирсанова... Мне хотелось показать людей, действующих, как все обыкновенные люди их типа... Надеюсь, я успел достичь этого, что каждый порядочный человек нового поколения узнает обыкновенный тип своих добрых знакомых в моих трех действующих лицах». Для того, чтобы ярко обнаружить типичность «нового кряжа людей», он берет такие характеры, в которых черты, свойственные разночинно-демократической интеллигенции 50—60 годов, получили наиболее полное развитие.

Какие же типические черты характеров подчеркивает Чернышевский в героях своего романа?

Как подлинный реалист, он выделяет в них те черты, которые порождаются их жизненной практикой. Представители разночинной интеллигенции, они, во-первых, люди трудовой жизни, и это то общее, что связывает и сближает их с трудовым народом. Во-вторых, это люди умственного труда — «мыслящий пролетариат», по выражению Писарева. Поэтому они способны подняться до ясного сознания общих интересов развития общества, подчинить этим интересам свою трудовую и общественную деятельность, проверять и направлять силою разума всю свою жизненную практику.

Эти интеллигентные представители трудящихся масс особенно остро ощущают гнет самодержавного государства, полицейского произвола и насилия, сословного неравенства, не дающего простора для развития умственной жизни страны, для развития науки, искусства, печатного слова и т. д. Все эти обстоятельства, вместе взятые, определяют содержание их характеров, направление их развития.

Необходимость собственным трудом «пробивать себе дорогу» в жизни вырабатывает в них энергию, практическую цепкость, умение преодолевать трудности и препятствия. «Каждый из них, — говорит Чернышевский, — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватаящийся за него, так что оно не выскользнет из рук».

Любое дело, за которое берутся Лопухов или Кирсанов, они доводят до конца, до намеченного результата. Так Лопухов, взявшись за вызволение Веры Павловны из тяжких условий семейного гнета, добивается решения этой задачи, каких бы усилий это ни стоило, какие бы препятствия ни преграждали путь.

И Кирсанов, взявшись за «лечение» Екатерины Васильевны Полозовой, добивается того, чтобы она избавилась от угнетавших ее обстоятельств. При этом действует уже не только как врач: он заставляет старика Полозова снять запрет и разрешить дочери встречаться с Соловцовым и даже принять его предложение. Он помогает Екатерине Васильевне разобраться в подлинном характере ее жениха и отказаться от ложного чувства к нему. Недаром старик Полозов думает о Кирсанове: «Экой медведь, как поворотил, умеет ломать».

Умение добиваться поставленной цели, воля, хорошо натренированная в борьбе с обстоятельствами, проявляется и в поведении Кирсанова по отношению к семье Лопуховых, когда он заметил возникновение страсти к Вере Павловне, и в поведении Лопухова, когда он решил, что для счастья всех троих ему целесообразнее «уйти со сцены».

На почве трудовой жизни в них вырабатывается глубокое чувство человеческого достоинства, умение дать отпор всякой попытке унижить или оскорбить их, умение постоять за себя. Им свойственно твердое убеждение, что в основе человеческого достоинства лежит не чин, не богатство, не знатное происхождение, а личные качества, выработанные трудом и развитием. Это определяет их поведение по отношению к «господам жизни», убежденным в своем праве помыкать всеми.

Чтобы читатель представил себе, «какой человек был Лопухов», автор рассказывает о нем такой случай: «шел он в оборванном мундире по Каменно-Островскому проспекту (с урока, по 50 коп. урок, верстах в трех за лицеем). Идет ему навстречу некто осанистый, моцион делает, да как осанистый, прямо на него, не сторонится; а у Лопухова было в то время правило: кроме женщины, ни перед кем первый не сторонюсь; задела друг друга плечами; некто, сделав полуоборот, сказал: «что ты за свинья, скотина», готовясь продолжать назидание, а Лопухов сделал полный оборот к некоему, взял некоего в охапку и

положил в канаву, очень осторожно, и стоит над ним, и говорит: ты не шевелись, а то дальше проташу, где грязь глубже».

Аналогичный случай рассказывает Чернышевский и о Кирсанове.

В самом ходе повествования Чернышевский показывает действительное превосходство характера интеллигента-труженика над людьми, чье «достоинство» определяется исключительно внешним положением в обществе — богатством и знатностью. Интересна в этом отношении сцена первой встречи Лопухова со Сторешниковым в доме Розальских: «...жених, сообщая своему мундиру и дому, почел нужным не просто увидеть учителя, а, увидев, смерять его с головы до ног небрежным, медленным взглядом, принятым в хорошем обществе. Но едва он начал снимать мерку, как почувствовал, что учитель — не то, чтобы снимает тоже с него самого мерку, а даже хуже: смотрит ему прямо в глаза, да так прилежно, что, вместо продолжения мерки, жених сказал:

— А трудная ваша часть, мсье Лопухов, — я говорю, докторская часть.

— Да, трудная. — И все продолжает смотреть прямо в глаза. Жених почувствовал, что левою рукою, неизвестно зачем перебирает вторую и третью сверху пуговицы своего виц-мундира...

— На вас, если не ошибаюсь, мундир такого-то полка?

— Да, я служу в таком-то полку, — отвечает Михаил Иванович.

— И давно служите?

— Девять лет.

— Прямо поступили на службу в этот полк?

— Прямо.

— Имсете роту или еще нет?

— Нет, еще не имею. (Да он меня допрашивает, точно я к нему ординарцем явился).

— Скоро надеетесь получить?

— Нет еще.

— Гм. — Учитель почел достаточным и прекратил допрос, еще раз пристально посмотревши в глаза воображаемому ординарцу».

Труд, с другой стороны, воспитывает в новых людях сочувствие ко всем трудящимся, чувство близости к простым людям, подлинный демократизм. Поэтому так легко и естественно налаживаются человеческие отношения у Лопухова, Кирсанова и Веры Павловны с простыми людьми, с людьми из низов общества. Вера Павловна легко находит общий язык с девушками швейной мастерской, которые скоро начинают держаться с ней на равной ноге. Лопухов прямо заявляет, что он за «безгра-

мотных черных, против цивилизованных белых» и важность своих занятий в заводской конторе видит в том, что они «дают влияние на народ целого завода». «Образованные люди уже могут, когда хотят, становиться понятны и близки народу» (VII, 889), — писал Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?»

Это чувство солидарности со всеми трудящимися развивает в новых людях сознание общности своих интересов с интересами народа, сознание своего долга перед народом; Вера Павловна, испытывая недовольство собою, своим настоящим, чувствует «будто это не она, Вера Павловна Кирсанова, лично чувствует недовольство, а будто в ней отражается недовольство тысяч и миллионов». Она видит свой долг перед Родиной, перед тысячами и миллионами в том, чтобы еще активнее служить их интересам.

Такое отношение к народу совершенно исключает какое бы то ни было высокомерие, барское пренебрежение к простым людям труда. Чернышевский сознательно противопоставляет своих положительных героев представителям «старого мира» и в их отношении к народу. Последним свойственно презрение к народу, воспитанное эксплуататорским обществом. «Русские — самоеды», — говорит Жюли. «Больно глуп народ, — заявляет Мария Алексеевна, — где с таким народом хорошие-то порядки завести!» По существу, той же точки зрения придерживается и Серж, приписывая русскому национальному характеру черты пассивности и безволия: «Лбом стену не прошибешь, говорим мы, русские. Мы умный народ, Жюли. Видишь, как спокойно я живу, приняв этот принцип». Собственную инертность он приписывает всему русскому народу, вслед за Марией Алексеевной видя главную особенность его в пассивности и покорности обстоятельствам.

Против этой склонности «господ жизни» приписывать свои собственные пороки трудовому народу Чернышевский выступал и в публицистических статьях. Он резко ополчался против реакционного дворянства, которое говорило об инертности, беспечности, лени русского мужика, мотивируя этим свое стремление уменьшить крестьянский надел при «освобождении».

Против подобной клеветы на народ выступает и Лопухов на страницах романа «Что делать?»: «Что же касается до глупости народа, которую вы считаете помехою заведению новых порядков, то, действительно, она помеха делу; но вы сами не будете спорить, Марья Алексеевна, что люди довольно скоро умнеют когда замечают, что им выгодно стало поумнеть, в чем прежде не замечалась им надобность;.. а доставьте им эту возможность, то, пожалуй, ведь они и воспользуются ею».

Здесь речь идет о закономерности и плодотворном значении революционных эпох в истории народов, когда массы быстро «умнеют» в энергической и открытой классовой борьбе. Эта мысль Лопухова за два года до появления романа была высказана Чернышевским в статье «Не начало ли персмены?»: «Возьмите самого дюжинного... человека, — писал он, — как бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бывают в ней минуты совершенно другого оттенка, минуты энергических усилий, отважных решений. То же самое встречается и в истории каждого народа» (VII, 877).

Единство интересов разночинно-демократической интеллигенции с интересами всего трудового народа лежит в основе одной из самых важных особенностей их морального облика — в основе единства личного и общественного, которое определяет практическое поведение Лопухова и Кирсанова, их новый моральный кодекс.

Разрыв между личным и общественным, предпочтение узко личных интересов общественным интересам и стремлениям — одна из отвратительных черт эксплуататорского общества, где «человек человеку — волк», где господствует закон «борьбы всех против всех». Чернышевский писал в статье «Русский человек на rendez vous» о том, что гармоническое развитие личности возможно только тогда, когда ее деятельность и интересы тесно связаны с интересами общества и народа.

Для Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны такого разрыва не существует, так как интересы общества, интересы других людей являются самыми сильными из их собственных интересов. Вера Павловна, когда полюбила Лопухова, «от мысли о себе, о своем милом, о своей любви, перешла к мыслям, что всем людям надобно быть счастливыми и что надобно помогать этому скорее притти... Это одно и натурально, одно и по-человечески: просто по-человечески: — «я чувствую радость и счастье» — значит «мне хочется, чтобы все люди стали радостны и счастливы».

Такое отношение к жизни рождает стремление собственной деятельностью помогать улучшению жизни для всех, к общественно-полезному труду. Поэтому Лопухов «сознательно и твердо решил отказаться от всяких житейских выгод и почетов для работы на пользу другим, находя, что наслаждение такую работою — лучшая выгода для него». Лопухов и Кирсанов отказываются от выгодной, обеспечивающей известность и «положение», медицинской практики в состоятельных кругах общества для того, чтобы отдать свои силы на развитие медицинской науки. Впоследствии Лопухов отказывается от любимой науки для пропаганды передовых идей и участия в работе революционного подполья.

Единство личного и общественного, потребность в деятельности на благо других людей проявляется не только в научной и общественной деятельности в широком смысле слова, но и в желании помочь каждому отдельному человеку, подвергающемуся угнетению, но стремящемуся к разумной трудовой жизни.

Лопухов помогает Вере Павловне «выйти из подвала», встать на дорогу полезного труда и умственного развития. Вера Павловна, в свою очередь, помогает целому коллективу трудящихся женщин достигнуть независимости и возможности благоприятного развития своих духовных и физических сил. Кирсанов в свое время помог Рахметову порвать со своим классом и войти в среду новых людей. «Кирсанов был для него тем, чем Лопухов для Веры Павловны». Все они вместе оказывают влияние на развитие и судьбу Полозовой. «Новые люди» непрерывно ведут пропаганду среди учащейся молодежи. Они стараются поднять до своего уровня как можно больше людей, расширяя круг своих единомышленников, непрерывно воспитывая новые кадры разпочинно-демократической интеллигенции.

Эта общественная среда выступает в романе как сила, оказывающая огромное влияние на развитие характеров людей. Почти все положительные герои «Что делать?» формируются не только под влиянием материальных условий жизни и их собственной трудовой практики, но и под духовным воздействием разнотинно-демократической интеллигенции.

Путь к новой жизни, к жизни разумной, основанной на понимании общественного значения своего труда, возможен для каждого, кто не является продуктом «гнилой грязи», кто не испорчен паразитизмом. «Обыкновенные порядочные люди» — это люди по своим природным способностям и силам характера не выдающиеся, не исключительные: наоборот, они являются *нормально* развившимися людьми, какими могут и должны стать все: «Главные мои действующие лица — нисколько не идеалы, а люди вовсе не выше общего уровня людей своего типа». Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов — это не герои, не лица «высшей натуры». «Нет, друзья мои, злые, дурные, жалкие друзья мои, это не так вам представлялось: не они стоят слишком высоко, а вы стоите слишком низко. Вы видите теперь, что они стоят просто на земле: это оттого только казались они вам парящими на облаках, что вы сидите в преисподней трущобе. На той высоте, на которой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди... Тем людям, которых я изображаю, ...вы можете быть равным, если захотите поработать над своим развитием. Кто ниже их, тот низок. Поднимайтесь

из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нем...».

Обращаясь с призывом к тем, кто придавлен и принижен эксплуататорским строем, Чернышевский еще раз подчеркивает мысль о том, что обязательным содержанием подлинно человеческого, осмысленного существования является труд. «Новые люди считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни», — писал Писарев о героях Чернышевского¹. Труд является основой и источником лучших сил и душевных качеств человека, его истинного человеческого достоинства. Воля и энергия, настойчивость и отзывчивость в отношениях с людьми, сочувствие трудящимся и преданность Родине — все эти качества вырабатываются только трудовой жизнью. Это одна из основных идей, красной нитью проходящая через весь роман, через историю развития каждого характера. И это одна из тех сторон художественного метода Чернышевского, которая делает его особенно близким нашему времени, нашей советской литературе.

Горький видел свою главную заслугу перед русской литературой в том, что он «понял величайшее значение труда, — труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире»².

Великий пролетарский писатель считал такой подход к художественному осмыслению жизни обязательным для всей советской литературы, для всей литературы социалистического реализма. В докладе на первом Всесоюзном съезде советских писателей он говорил: «основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, — человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество»³. Это требование Горького успешно осуществляет наша советская литература. Тема трудового героизма советских людей города и деревни, рабочего класса и интеллигенции, в мирных условиях и в годы войны, давно уже стала действительно центральной темой советской литературы.

Такие писатели, как Чернышевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин, являются ближайшими предшественниками социалистического реализма в разработке темы труда. Они ближе всех подошли к художественному осмыслению всесозидающей

¹ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, Госполитиздат, 1949, стр. 647.

² М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, стр. 395.

³ М. Горький, цитируемое издание, т. 27, стр. 320.

силы человеческого труда не только в области материальной, но и духовной культуры.

Конечно, советская литература, родившаяся в обществе, свободном от эксплуатации, развившаяся в атмосфере, очищенной Великой Октябрьской социалистической революцией, смогла развернуть тему трудового героизма в неслыханных и невозможных в другую эпоху масштабах.

Чернышевский не мог показать трудового героизма *широких масс* трудящихся, их созидательный и радостный труд, осмысленный ими самими как дело великого *общественного* значения потому, что эти массы были обречены эксплуататорским обществом на каторжный изнуряющий труд, служащий интересам обогащения тунеядцев и угнетателей, потому что они были лишены «самого необходимого — просвещения и развития»¹.

Но именно Чернышевский и другие революционно-демократические писатели выдвинули на первый план тему труда, как основу и источник всех положительных, творческих сил характера. Некрасов раскрывал эту идею, изображая духовную красоту и силу трудового крестьянства, а также в образах борцов за народное дело — профессиональных революционеров. Чернышевский развивает ее в типических образах трудовой, разночинно-демократической интеллигенции и тоже в образах профессиональных революционеров, защитников интересов народа.

Широкий умственный кругозор и высокая общественная идейность, преданность идеям социализма, идеям борьбы против всякой эксплуатации — коренные черты духовного облика Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны и всех их ближайших друзей и единомышленников. При этом важно подчеркнуть, что идеи в жизни этих людей являются руководством к действию, они определяют их поведение в жизни, их практическую деятельность. Герои Чернышевского глубоко и искренно презирают людей, у которых теория расходится с практикой, убеждения не подтверждаются делами.

Новые люди признают только такие идеи и убеждения, которые порождены жизнью. Всякая отвлеченная, пустая мечтательность чужда и враждебна им. Вера Павловна говорит о книгах, которые довелось ей читать до знакомства с Лопуховым: «Все читаешь, бывало, — все написано в противоположном духе, наполнено порицаниями, сарказмами против того, что замечаешь в себе и других. Природа, жизнь, рассудок ведут в одну сторону, книги тянут в другую».

Этот характерный для антагонистического общества раз-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 436.

рыв между идеями и жизнью, теорией и практикой преодолевают новые люди. Они умеют активно, деятельно осуществлять свои убеждения, умеют быть до конца последовательными в своих идеях и поступках.

В одном из политических обзоров 1859 г. Чернышевский писал: «Одной честности мало для того, чтобы быть правым и полезным; нужна также последовательность в идеях. — Если вы приняли принцип, не отступайте перед его последствиями; нужна прежде всего рассудительность во взгляде на стремления других... Эта рассудительность первым своим правилом ставит: слов не слушай, а смотри на дела и на то, в чем состоят потребности человека, и веряйся только тому, который смотрит на мир такими же глазами, как ты, только тому, у которого потребности одинаковы с твоими. Доверчивость к обманщикам чаще всего губила доброе дело» (VI, 338—339).

Для новых людей, как и для самого Чернышевского, единство слова и дела является критерием оценки человеческого характера: их доверие вызывают только люди того же закала, что они сами, люди, делом доказавшие верность своим взглядам. Поэтому их нельзя обмануть никакой хитростью, никакими красивыми фразами. Поэтому они так легко и безошибочно разбираются в людях. Поэтому же они так легко, с полуслова понимают друг друга в своей среде.

Умение разбираться в людях, в их побуждениях достигается благодаря тому, что Лопухов и Кирсанов объясняют эти побуждения материалистически, исходя из действительных интересов и потребностей людей. На этом основывается и революционно-демократическое понимание человеческих выгод, новая система моральных представлений, враждебная лицемерной догматической морали эксплуататоров.

В статье «Антропологический принцип в философии» Чернышевский писал: «При внимательном исследовании побуждений, руководящих людьми, оказывается, что все дела, хорошие и дурные, благородные и низкие, геройские и малодушные, происходят во всех людях из одного источника: человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия» (VII, 285).

Люди, одержимые жадной паживой, а также люди, порабощенные и подавленные духовно безысходной материальной нуждой, могут понимать свою «выгоду» только как примитивный материальный расчет. Герои Чернышевского — труженики и в то же время по самому характеру своей деятельности люди духовно развитые. Поэтому они поднимаются до сознания более широких человеческих «выгод», до сознания единства

своих интересов с интересами общества, до сознания того, что подлинно-человеческие их интересы не могут противоречить интересам других тружеников. Лицемерной и своекорыстной морали господ Чернышевский противопоставляет эту новую мораль как истинно человеческую, единственно возможную для «порядочных людей». Она вооружает их правильным пониманием человеческих поступков и стремлений: «Лопухов находил, что его теория дает безошибочные средства к анализу движений человеческого сердца, и я, признаюсь, согласен с ним в этом; в те долгие годы, как я считаю ее за истину, она ни разу не ввела меня в ошибку и ни разу не отказалась легко открыть мне правду, как бы глубоко ни была затаена правда какого-нибудь человеческого дела. Правда и то, что теория эта сама-то дается не очень легко: нужно и пожить, и подумать, чтоб уметь понять её», — говорит Чернышевский.

Правильное применение к жизни требований новой морали возможно только при условии непрерывного, довольно кропотливого и детального анализа и самоанализа, которым постоянно заняты и Лопухов, и Кирсанов, и Вера Павловна. Они почти никогда не принимают решения и не действуют под влиянием непосредственного нравственного чувства; решение каждой отдельной задачи требует от них тщательного анализа обстоятельств и психологических мотивов, движущих их собственными побуждениями и побуждениями окружающих.

Так Лопухов в результате тщательного размышления приходит к решению бросить академию, чтобы как можно раньше вызволить из «подвала» Веру Павловну. Также Кирсанов принимает решение не встречаться с Лопуховыми и пытается дважды обмануть их проищательность относительно мотивов и причин своего отдаления. Лопухов путем длительного размышления приходит к решению вопроса о том, как наименее мучительно для всех троих, т. е. с наибольшей «выгодой» для себя и других, устранить противоречие, возникшее в связи с любовью Веры Павловны к Кирсанову.

Чернышевский не только развертывает в публицистической и художественной форме положительное содержание новых этических идей, но полемически заостряет их против лицемерия господствующей морали, своекорыстной и хищнической на практике и ханжески «альтруистической» в теории. Проповедь самопожертвования, кротости и отречения от земных благ и выгод была проповедью для масс, для их духовного порабощения, для того, чтобы удерживать их в состоянии покорности. Чернышевский и его герои доказывают, что на практике никто этими догмами самопожертвования не руководствуется и руководствоваться не должен, что в основе практической морали всегда лежат реальные, земные интересы и потребности людей.

В отношениях с Верой Павловной Лопухова заранее возмущает мысль, что ей в голову может запасть традиционная идея: «ах, какую он для меня принес жертву!» Он решительно отвергает такую трактовку его поступков: «Не был до сих пор так глуп, чтобы приносить жертвы, надеюсь, и никогда не буду. Как для меня лучше, так и сделаю. Не такой человек, чтобы приносить жертвы. Да их и не бывает, никто и не приносит; это фальшивое понятие: жертва — сапоги всмятку».

Не догма «самоотречения», но земные человеческие интересы, реальные и законные «выгоды» общественного человека должны определять и регулировать поведение каждого.

Этические взгляды Чернышевского являются частью его революционно-демократического мировоззрения. Его ограниченность оказалась здесь в том, что он не смог с достаточной ясностью показать, что новая мораль отражает интересы трудящихся и эксплуатируемых, она выступает у него иногда как осуществление «атропологического принципа».

Морально-этические взгляды новых людей, разночинно-демократической интеллигенции середины XIX века, как они развиты в романе «Что делать?», имеют еще один недостаток, связанный уже не с исторической ограниченностью взглядов Чернышевского, а с условиями полицейской цензуры, которые вынужден был учитывать писатель, работая над книгой для широкого читателя. Систему морали, основанную на требованиях гармонического единства личного и общественного, Чернышевский был вынужден сюжетно разворачивать главным образом на событиях частной жизни своих героев, на истории их любовных, семейных, дружеских отношений.

Между тем превосходство этой новой морали, ее значение во всей полноте может быть раскрыто именно в сфере общественной, в практике широкой общественной деятельности. В ходе повествования писатель пользуется всяким поводом для того, чтобы показать исключительную важность осуществления принципов новой морали в сфере общественной жизни. Так, Рахметов осуждает Веру Павловну за то, что под влиянием личных потрясений она принимает решение об отъезде из Петербурга, пренебрегая интересами швейной мастерской.

Сам Рахметов, наиболее последовательно проводящий в жизнь принципы новой революционной морали и прозванный за это «ригористом», все свои страсти, побуждения и поступки строго и решительно подчиняет интересам революционного дела. И хотя над его ригоризмом подшучивают друзья, именно он является для них подлинной нормой и образцом поведения.

Морально-этическую теорию Чернышевского принято определять термином «разумный эгоизм». Это стало прочной традицией. Между тем термин «разумный эгоизм» не выражает

сущности морально-этических взглядов русского мыслителя. По прямому значению слово «эгоизм» означает себялюбие, предпочтение своих личных интересов интересам других людей, интересам общества. Иного смысла оно не имело и в 60-е годы. В этом точном смысле Чернышевский и употребляет слово «эгоизм» в своих работах, например в «Очерках гоголевского периода русской литературы», где им ставится вопрос об отрицательном герое в литературе: «Несправедливо было бы считать положительным человеком холодного эгоиста... Кто действует исключительно по расчетам эгоизма, тот действует наперсکور человеческой природе... Искать счастья в эгоизме — ненатурально, и участь эгоиста немало не завидна: он урод» (III, 229—230).

В 1857 г. в «Заметках о журналах» он писал, сравнивая Печорина и Рудина: «Один — эгоист, не думающий ни о чем, кроме своих личных наслаждений; другой — энтузиаст, совершенно забывающий о себе и весь поглощаемый общими интересами» (IV, 699). Ясно, что и здесь слово «эгоист» употреблено в его прямом и обычном значении. Эгоизм, как типичское проявление либерально-дворянского своекорыстия, разоблачает Чернышевский и в статье «Русский человек на *rendez-vous*». Только в романе «Что делать?» положительные герои Чернышевского — «новые люди» — называют себя эгоистами, но и здесь во всех случаях это звучит либо порицанием, либо иронией, либо эзоповски условным термином в разговоре, который может быть подслушан посторонними. Лопухов, обдумывая решение бросить Академию для того, чтобы Вера Павловна скорее высвободилась из-под власти своего семейства, иронизирует над собой: «А ведь как верно, что я всегда на первом плане — и начал с себя и кончил собою... Приятно человеку, как теоретику, замечать, как играет эгоизм его мыслями на практике».

Точно таким же ироническим рассуждением заключает Чернышевский и «теоретический разговор» между Кирсановым и Лопуховым по поводу новой любви Веры Павловны. «Если бы Лопухов рассмотрел свои действия в этом разговоре как теоретик, он с удовольствием заметил бы: «А как, однако же, верна теория: эгоизм играет человеком. Ведь самое-то главное и утаил, «предположим, что этот человек доволен своим положением»; вот тут-то ведь и надобно было бы сказать: «Александр, предположение твое неверно», а я промолчал, потому что мне невыгодно сказать это. Приятно человеку, как теоретику, наблюдать, какие штуки выкидывает его эгоизм на практике. Отступаешься от дела потому, что дело пропащее для тебя, а эгоизм повертывает твои жесты так, что ты корчишь человека, совершающего благородный подвиг». «Игра

эгоизма» заключается не в том, что Лопухов решил «отступиться» от Веры Павловны, — это продиктовано разумной необходимостью; она заключается в том, что обыкновенную порядочность человек хочет выдать себе и другим за подвиг самоотвержения. Над этим эгоизмом и иронизируют новые люди.

Ту же мысль, и даже буквально ту же формулировку, повторяет и Кирсанов по совершенно аналогичному поводу: «Приятно человеку, как теоретику, наблюдать, какие штуки выкидывает его эгоизм на практике. Отступался от дела, чтобы не быть дураком и подлецом, и возликовал от этого, будто совершил геройский подвиг великодушного благородства; не поддаешься с первого слова зову, чтобы опять не хлопотать над собою и чтобы не лишиться этого сладкого ликования своим благородством, а эгоизм повертывает твои жесты так, что ты корчишь человека, упорствующего в благородном подвижничестве».

Мораль новых людей — это мораль разумной целесообразности, основанной на ясном понимании живой связи между интересами каждой отдельной личности и интересами окружающих. С позиций этой морали они называют эгоизмом всякую попытку представить разумную целесообразность подвигом самоотвержения.

Вера Павловна в письме к Лопухову после его мнимого самоубийства пишет: «Да, если послушать нас, мы все трое такие эгоисты, каких до сих пор свет не производил. А может быть это и правда? Может быть, прежде не было *таких* эгоистов? Да, кажется».

Кажется ясно, что слово «эгоизм» употреблено здесь иронически, так же как употребляет Чернышевский слово «проницательный» читатель. Но эта ирония не была воспринята даже сочувственной критикой, и до сих пор можно встретить рассуждения о том, что мораль Чернышевского — это мораль эгоизма, хотя бы и разумного.

Без осуждения и иронии слово «эгоисты» употребляется героями романа только в одной из первых теоретических бесед Лопухова с Верой Павловной:

«— Хорошо, Дмитрий Сергеевич; люди — эгоисты, так ведь? Вот вы говорили о себе, — и я хочу поговорить о себе».

— Так и следует; каждый думает всего больше о себе».

Однако и здесь следует принять во внимание три обстоятельства. Во-первых, разговор возник по поводу книги, принесенной Лопуховым и только что прочитанной Верой Павловной, и вполне естественно, что они пользуются терминологией этой книги.

¹ Выделено нами. — Г. Т.

Во-вторых, в контексте реплики Веры Павловны слово «эгоисты» звучит шутиливо; ведь она предваряет просьбу обсудить ее собственное положение. Вполне серьезно Вера Павловна, даже на первых шагах знакомства с моральной теорией «новых людей», называет ее не «эгоизмом» и не «разумным эгоизмом», а «теорией расчета выгод», причем содержание термина «выгода» в этом же разговоре толкуется достаточно широко: понимание выгоды неодинаково для всех людей, но зависит от положения и уровня развития каждой отдельной личности.

Наконец, в-третьих, Лопухов и Вера Павловна разговаривают в обстановке, где их могут слушать посторонние (их действительно подслушивает Мария Алексеевна), поэтому, естественно, они придерживаются эзоповски условной терминологии.

В романе «Пролог» Чернышевский уже отказывается от иронического или эзоповски условного употребления слова «эгоизм», применяя его только в прямом и общепринятом смысле. Конечно, дело не в термине, хотя бы и неточном. Нам не стоило бы останавливаться, если бы за неточностью термина не скрывалось давно отвергнутое нашей наукой отождествление просветительства Чернышевского с французским буржуазным просветительством XVIII века. «Разумный эгоизм» — достаточно точное определение сущности морально-этических взглядов французских просветителей XVIII века.

Плеханов, как известно, ошибочно полагал, что моральные воззрения Чернышевского есть всего лишь переложение моральных идей французских материалистов: «Для него,—писал он о Чернышевском,—как и для Гельвеция, даже наиболее самоотверженные поступки представляют только особый вид разумного эгоизма»¹. И дальше: «Иногда относящиеся сюда рассуждения Чернышевского, как две капли воды, походят на рассуждения Гельвеция и его единомышленников... сведя все к расчету, Чернышевский принужден различать корыстный расчет, «чуждый любви к добру», от бескорыстного, пропитанного этой любовью. Иначе сказать: он возвращается к старому различению эгоизма от альтруизма. С ним случилось то же, что гораздо раньше произошло с Гольбахом и другими просветителями XVIII века, тоже сводившими все к расчету и тоже оказавшимися в логической необходимости противопоставить корыстному расчету бескорыстный»².

На самом деле, этические взгляды Чернышевского весьма существенно отличаются от этических теорий французских буржуазных просветителей.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 40.

² Там же, стр. 217, 222.

Гольбах в «Системе природы», обосновывая свою моральную теорию, пишет: «Действительно, ни одно чувствующее и разумное существо не может забыть ни на минуту мысли о своем самосохранении и благополучии; оно должно, таким образом, думать о своем счастье; но вскоре опыт и разум показывают ему, что без чужой помощи оно не сумеет добиться всех вещей, необходимых для его счастья; оно заключает отсюда, что ради своего счастья оно должно вести себя так, чтобы снискать привязанность, одобрение, уважение и помощь существ, могущих оказаться особенно полезными для его собственных целей, оно замечает, что для благополучия человека особенно необходим человек, и что для того, чтобы заинтересовать его в свою пользу, надо заставить его видеть в этом его собственную реальную выгоду... Такова истинная основа всякой нравственности»¹.

Отсюда призыв к человеку: «Будь воистину разумен, т. е. научись любить себя, заботиться о своем существовании, исполнять задачу, которую ты себе ставишь в каждое мгновение»².

Человек должен помогать другим людям в расчете на то, что и он нуждается в их помощи, заботиться о других постольку, поскольку сам пуждается в заботах других людей. Это своеобразный обмен эквивалентных нравственных ценностей, совершенно аналогичный обмену вещей на товарном рынке. Гольбах сам указывает на общественную основу своей этики, на то, что она является прямым приложением к области духовных отношений законов материального товарообмена: «Человеческое общество может существовать лишь при условии непрерывного обмена вещей, в которых люди видят свое счастье»³.

Эта теория соответствует определению «разумный эгоизм», потому что она исходит из интересов *отдельной* личности и стремится на началах буржуазного расчета согласовать их с интересами других отдельных личностей. Это моральная теория революционной буржуазии.

Наоборот, этическая теория Чернышевского исходит из интересов массы угнетенных, из того, что освобождение и счастье масс есть условие свободы и счастья *отдельной* личности. Такая этика отражает интересы эксплуатируемых трудящихся масс, а не интересы буржуазной личности. Она далека от *всякого* эгоизма и основана на *революционной целесообразности*. Поэтому и термин «разумный эгоизм» по существу не применим к этическим взглядам Чернышевского.

¹ Поль Гольбах, Система природы, Госиздат, М., стр. 237—38.

² Там же, стр. 274.

³ Там же, стр. 246.

Огромное и действительно новое содержание этических идей Чернышевского имело исключительное значение, оказав благотворное влияние на передовых людей того времени и последующих поколений. Об этом громадном положительном значении морально-этических идей революционной демократии писал М. И. Калинин: «Они будили человеческую совесть, заставляли людей задумываться над жизнью, над тем, что можно сделать в ней полезного. Вряд ли кто-либо еще в истории русской литературы и публицистики так властвовал над умами людей и столь действенно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Да и личная жизнь их, целиком посвященная развитию русской демократии, была окружена в глазах прогрессивного общества ореолом высокой морали»¹.

Заслуга Чернышевского заключалась не только в том, что он нарисовал во весь рост образы новых деятелей русского общества — представителей разночинно-демократической интеллигенции и профессионального революционера-демократа, что он изобразил их с наибольшей правдивостью и всесторонностью. Заслуга Чернышевского заключается еще и в том, что он впервые показал, как проявляются эти общие черты новых людей в женском характере. В этом отношении особенно важен образ Веры Павловны.

Чернышевский по-новому поставил вопрос о равенстве женщины с мужчиной, о праве ее на разумный труд и общественную деятельность, о способности женского характера развивать в себе силы и качества для такого равенства не только в семейной, но и в общественной и трудовой деятельности.

В образе Веры Павловны проявляются черты новых людей, общие в одинаковой мере Лопухову и Кирсанову. Так же, как и мужчинам этого круга, ей свойственны энергия и деловитость, крепкая воля и отзывчивость к интересам окружающих; она так же стремится к единству теории и практики, к гармоническому единству личных и общественных интересов. И главное — она так же видит источник своего человеческого достоинства и независимости в общественно-полезном труде, без которого женщина в ее глазах так же, как и мужчина, не заслуживает настоящего уважения; она так же стремится к служению интересам общества, идеям борьбы за счастье всех людей.

Энгельс подчеркивал справедливость мысли Фурье о том, «что в каждом данном обществе степень освобождения жен-

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании и обучении, изд. Академии педагогич. наук РСФСР, 1948, стр. 76.

щины есть естественное мерило всякого освобождения»¹. Русская женщина в условиях феодально-крепостнического и буржуазно-помещичьего строя была особенно подавлена и поработана. Ее положение в семье, правовая и материальная зависимость от мужчины во всех областях жизни точно отражала глубину общественного порабощения в стране.

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Вопрос о положении женщины в русском обществе выдвигался почти всеми великими русскими писателями, начиная с Радищева. Пушкин и Лермонтов, Тургенев и Островский, Герцен и Некрасов все громче и решительнее поднимали этот вопрос в своих произведениях.

В обществе, где мужчина никогда не смотрит на женщину как на равного себе человека, естественно снижается уровень ее развития и жизненных идеалов. По словам Белинского, круг интересов женщины в таком обществе составляют «выгодная партия» и семья; желание «выйти замуж — значит сделаться барынею; стать хозяйкою — значит повелевать всеми в доме и быть полною госпожею своих поступков»².

На практике, вырвавшись из зависимого положения в отцовской семье, женщина попадала, как правило, в еще большую зависимость в семье мужа.

Естественно, что вместе с зарождением и ростом революционно-освободительного движения в русском обществе возникли и росли также идеи протеста против порабощения женщины.

Создавая положительный образ русской женщины, вставшей на защиту своего человеческого достоинства, Чернышевский, несомненно, опирался на лучшие традиции русской реалистической литературы. В 20-х годах XIX века наиболее полное раскрытие положительный характер русской женщины получил в творчестве Пушкина в образе Татьяны. Но, как указывал Белинский, Татьяна является «колоссальным исключением» в жизни дворянского общества. Кроме того, характер Татьяны раскрывается только в сфере личных, семейных, светских отношений. Это и не могло быть иначе, так как в то время женщина еще не была втянута в сферу общественной деятельности.

¹ К. Маркс — Ф. Энгельс, Избр. произв., том II, Госполитиздат, 1949 г., стр. 114.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 121.

В 40-х годах Герцен создал замечательные образы сильных женских характеров, так или иначе связанных с жизнью народа, испытавших на себе тяжесть социального и семейного бесправия, пробившихся к образованию и развитию через массу бедствий и унижений (Анета, Софи, Круциферская). Показывая могучую духовную силу и энергию женского характера, Герцен с предельной ясностью обнаружил связь трагического положения женщины с господством крепостничества и социального бесправия в русском обществе.

Однако и Герцен не мог показать выход русской женщины на арену общественной деятельности; он с большой силой показал необходимость такого выхода, показал, что ограничение женщины кругом узко семейных отношений и забот уродует ее характер, подавляя творческую инициативу и возможности всестороннего духовного роста.

Пробуждение общественных интересов и стремлений русской женщины отразил Тургенев в своих романах 50-х годов. Но пробуждение общественных интересов проявляется у тургеневских героинь пока только в форме высокой нравственной требовательности к любимому человеку и к его жизненной программе.

В этой высоте нравственных требований к человеку, в частности, к его гражданскому, общественному облику сказывалось «веяние новой жизни», истинные потребности развивающегося общества. Это особенно ярко обнаруживается в женских образах, созданных русскими писателями в годы революционной ситуации, в образах Ольги у Гончарова, Елены у Тургенева, Катерины у Островского.

Однако высокое духовное развитие Ольги не приводит ее к деятельному участию в общественной жизни, не приводит даже к попыткам найти формы такой деятельности. «В Ольге «Обломова» мы видели женщину идеальную, далеко ушедшую в своем развитии от всего остального общества; но где ее практическая деятельность? Она способна, кажется, создать новую жизнь, а живет, между тем, в той же пошлости, в какой и все ее подруги»¹, — писал Добролюбов.

Елена в романе Тургенева «Накануне» — это следующий шаг вперед в развитии общественных сил женского характера, а следовательно, и развития положительного женского образа. «Елена, — говорил Добролюбов, — как будто служит ответом на вопросы и сомнения Ольги». Но ни Ольга, ни даже Елена еще не являются типами женщин, ставших общественными деятелями. В них уже назрело ясное недовольство существующими порядками и возможностями русской жизни, но даже

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч. в шести томах, т. 2, стр. 216.

Елсной движет не ясное понимание интересов и потребностей общества, а восхищение героическим характером любимого человека, преданность его делу, интересам народа.

Вера Павловна, Наташа Мерцалова, Екатерина Васильевна Полозова, «дама в трауре» — принципиально новое решение проблемы положительного образа русской женщины в нашей литературе. Чернышевский первый показал тип женщины, сознательно становящейся на путь участия в общественной жизни своей Родины, твердо и самостоятельно идущей по этому пути, способной стать не только влюбленной помощницей героя-мужчины, но действительно равным ему другом и товарищем в творческом труде и борьбе за общее дело раскрепощения народа.

Чернышевский остается глубоким реалистом, показывая, что условием такого полноценного развития женского характера является новый взгляд на женщину со стороны окружающих, новая среда, где к ней относятся с тем же доверием и с теми же требованиями, как и к мужчине. Он показывает, что на первых шагах высвобождения из цепей семейного рабства, из плена традиционных представлений ей нужна помощь и практическая поддержка со стороны мужчины. Но, во-первых, эта помощь нужна именно в начале, а затем героини Чернышевского становятся на дорогу самостоятельного труда и развития. Во-вторых, эта помощь заключается в том, чтобы в труднейших русских условиях найти для женщины практические возможности самостоятельного труда. Наконец, тут нет принципиальной разницы между отношением к мужчине и отношением к женщине. Ведь каждому из героев Чернышевского кто-нибудь вначале помог встать в ряды новых людей, каждый из них готов оказать такую помощь не только женщине, но и мужчине.

Если Вере Павловне требовалась большая помощь, то потому что и препятствия перед ней стояли большие, так как женщине в условиях полного ее бесправия труднее стать новым человеком. Чернышевский раскрывает образ Веры Павловны в процессе становления ее характера. В этом особенность метода художественного раскрытия образа Веры Павловны по сравнению с Лопуховым и Кирсановым, которые вступают в роман уже сложившимися новыми людьми.

Новые люди Чернышевского — страстные пропагандисты революционных идей, которые делают разумной и человеческой их собственную жизнь. Страстная вера в силу разума, в значение просвещения, в могучее влияние на жизнь передовых идей в высшей степени свойственна им, как и всем просветителям. Но в отличие от западноевропейских просветителей, Чернышевский и его герои вовсе не рассчитывали только на

силу разума. Просветительская деятельность рассматривалась ими как средство подготовки революционного действия, как способ пробуждения революционного сознания в массах и подготовки кадров революционных вожakov из среды разночинной интеллигенции.

Они знают, что без революционного насилия никакая просветительская деятельность сама по себе не переустроит мир. Лопухов понимает, что нелепо обращаться с пропагандой справедливости и любви к людям, паразитирующим за счет народа, или к людям закосневшим в предрассудках и своекорыстии. «Он был пропагандист, — говорит писатель о Лопухове, — но не такой, как любители прекрасных идей, которые постоянно хлопочут о внушении Марьям Алексеевнам благородных понятий, какими восхищены сами в себе. Он имел столько рассудительности, чтобы не выпрямлять 50-летнего дерева».

Никому из новых людей не приходит в голову проповедывать новые идеи Сержу, Сторешникову или Соловцову. Их следует выместить из жизни, уничтожив всякие имущественные и сословные привилегии. Пропаганда новых людей обращена к тем, кто в состоянии встать на защиту интересов народа.

В этой пропаганде центральной идеей, «идеей идей» является сочувствие революции и страстное ожидание ее, готовность активно участвовать в ней.

Во втором сие Веры Павловны рассуждение о «чистой» и «гнилой» грязи завершается мыслью о том, что только революция может уничтожить «гнилую грязь» паразитизма и превратить «чистую грязь» в плодородную и богатую ниву: «До недавнего времени не знали, как возвращать здоровье таким полянам; но теперь открыто средство; это — дренаж; лишняя вода сбегает по канавам, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получает реальность. Но пока это средство не применено, эта грязь остается фантастическою, то есть гнилою, а на ней не может быть хорошей растительности».

Представление о дренаже почвы и выражает мысль о необходимости революционного преобразования основ жизни.

Но если революция — единственный путь оздоровления социальной почвы, то высшая форма человеческой деятельности — это прямое и непосредственное служение революции. Поэтому самое полное решение проблемы положительного героя для Чернышевского — это создание образа профессионального революционера, человека, который не только сочувствует революции, ждет ее, готов ее всемерно поддержать, но отдает делу подготовки революции все свои силы и помыслы, всю энергию, страсть и, если надо, — жизнь. Этим и отличается от «обыкновенных порядочных людей» человек особенный.